

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00009

Хешам Мохаммед Махмуд МОХАММЕД (Каир, Египет)

КОРАНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX В.

Аннотация. Целью данной статьи является попытка исследовать коранические мотивы и образы в творчестве ряда русских поэтов, таких как Лукьян Якубович (1805–1839), Яков Полонский (1819–1898), Николай Греков (1807–1866), Михаил Михайлов (1829–1862) и Лев Кобылинский-Эллис (1879–1947). Анализируя вопрос заимствования содержания аятов Корана и интерпретации их смысла как способа выражения коранических мотивов в творчестве отмеченных поэтов, автор статьи выявляет точное следование стихов кораническому смыслу и коннотации. Методология работы определяется теорией системно-комплексного подхода к изучаемому материалу, позволяющего рассматривать определенные стихотворения указанных поэтов как образец ориентальной поэзии с ярко выраженной коранической тематикой. Новизна исследования заключается в том, что в нем предпринята попытка детального анализа коранической тематики в восточной лирике названных поэтов, чьи отдельные сочинения на коранические темы не введены в научный оборот, недостаточно разработаны в критике и остаются малоисследованными. Автор статьи приходит к выводу, что в творчестве русских поэтов, чьи стихотворения служили объектом анализа в настоящей статье, кораническая литература сыграла важную роль.

Ключевые слова: русская литература; восточная поэзия; ориентальная форма; Коран; заимствования; мотивы; образы; Л. Якубович; Я. Полонский; Н. Греков; Н. Карабчевский; М. Михайлов; Л. Кобылинский-Эллис.

Hesham Mohammed Mahmoud MOHAMMED (Cairo, Egypt)

The Quranic Motifs in the Works of the Russian Poets of the 19th Century

Abstract. The purpose of this article is an attempt to analyze the Quranic motifs and plots in the works of a number of Russian poets, such as Lukyan Yakubovich (1805–1839), Yakov Polonsky (1819–1898), Nikolai Grekov (1807–1866), Nikolai Karabchevsky (1852–1925), Mikhail Mikhailov (1829–1862) and Leo Kobylinsky-Ellis (1879–1947). Analyzing the issue of borrowing the content of the verses of the Quran and interpreting their meaning, as a way of expressing Quranic motifs in certain poems of the above-mentioned poets, the author of the article reveals that their poetry exactly follows the Quranic meanings and connotations. The methodology of this article is determined by the theory of a complex approach to the studied material, which allows us to consider certain verses of these poets as an example of oriental poetry with a pronounced Quranic theme. The novelty of the study lies in the fact that it attempt to analyze in detail the Quranic themes in the eastern lyrics of the named poets, whose works on Quranic themes have neither been put into scientific circulation, nor

sufficiently developed in criticism and remain understudied. The author of the article concludes that Quranic literature played an important role in the works of Russian poets, whose poems were the object of analysis in this article.

Key words: Russian literature; oriental poetry; oriental form; Quran; borrowings; motives; images; L. Yakubovich; Y. Polonsky; N. Grekov; N. Karabchevsky; M. Mikhailov; L. Kobylinsky-Ellis.

Тема мусульманского Востока всегда привлекала внимание русских путешественников и художников слова. Результатом постоянного обращения к этой теме стало формирование понятия «мусульманского текста русской литературы» [Алексеев 2009, 2013]. Особенный интерес к поэтическому памятнику Ислама подтверждает, что Коран является «ядерным текстом русского ориентализма» [Алексеев 2015] и «кодом» к русской ориентальной литературе [Каменева 2014].

Пиком массового интереса к мусульманскому Востоку традиционно считается XIX в. Вслед за «Подражаниями Корану» А.С. Пушкина к Священной Книге мусульман обращаются разные поэты, что в конечном счете породило так называемую русскую «кораническую поэзию» [Жоганович 2013]. Появляется целый ряд подражаний Корану – А. Ротчева, И. Пожарского, Н. Кельша и др. [Меджидова 2005]. Не стали исключением и поэты Л. Якубович, Я. Полонский, Н. Греков, М. Михайлов, Л. Кобылинский-Эллис. Их стихотворения носят общее название «Из Корана», что само по себе указывает на то, что они написаны под непосредственным воздействием Корана. В данной статье мы рассмотрим параллели между Священной книгой мусульман и данными стихотворениями, выявим в них своеобразие восприятия и специфику отражения коранических мотивов и образов, раскроем особенности переложения сур Корана.

Стихотворение Л. Якубовича «Из Ал-Корана, глава ХСІ» [Якубович 1829] представляет собой поэтическое переложение 91-й суры Корана «Аш-Шамс» («Солнце»). Здесь следует выделить мотив клятвы, важный для поэтики Священного Писания. Этим риторическим приемом изобилуют многие суры (главы). 15 сур из 114 начинаются с клятвенных зачинов (37, 51, 52, 53, 77, 79, 85, 86, 89, 91, 92, 93, 95, 100, 103).

Л. Якубович открывает свое стихотворение с анафоры «Клянусь», которая повторяется в тексте пять раз. Этот клятвенный мотив сближает его с Кораном. И. Крачковский рассматривал данный прием (клятвы) в памятниках арабской литературы как кораническое влияние [Крачковский 1956, II, 234]. Поэт не только строит клятвы на основе коранических текстов, но и заимствует их стилистические формы.

Риторической особенностью Корана является использование парного словосочетания, которое часто встречается в формуле клятвы в различных тематических сюжетах. Л. Якубович также использует указанную формулу коранической клятвы. Однако следует отметить, что формула клятвы в стихотворении поэта относительно сжата по сравнению с коранической:

«Клянусь солнцем и луною» [Л.Я.], «Клянусь солнцем и его утренним сиянием! Клянусь луной, когда она следует за ним!» [Коран 2004, 619]; «Клянусь ночью и днем» [Л.Я.], «Клянусь днем, когда он делает его (солнце) ясным! Клянусь ночью, когда она скрывает его (солнце)!» [Коран 2004, 619]; «Клянусь небом и землею» [Л.Я.], «Клянусь небом, и Тем, Кто его воздвиг! Клянусь землей и Тем, Кто ее распротер!» [Коран 2004, 619].

Кораническая сура не случайно начинается с клятвы, обращенной к природным явлениям. Одной из функций этого приема является раскрытие божественного всемогущества, доказательство величия Создателя, Творца мироздания и человека, и Его безграничной власти. Это один из основных мотивов, пронизывающих весь Коран. В суре «Аз-Зумар» («Толпы») читаем: «Аллах – Творец всякой вещи. Он Попечитель и Хранитель всякой вещи» [Коран, 2004, 489]. Этот аят воспроизведен в стихотворении Л. Якубовича: «Клянусь Тем, кто нам от века // Способность умственную дал, Кто создал все – и человека // Для наслаждения создал...». Здесь поэт выделяет «благо ума» среди тех многочисленных благ, которые Бог щедро даровал человеку. Понятие «умственная способность» в различных его вариациях («ум», «разум», «разумное сердце») упоминается в Коране очень часто. Согласно Корану, именно разум, как высшая способность человека, отличает его от других живых существ на Земле.

В последующих строках стихотворения также обнаруживаются прямые текстуальные переключки со Священным Писанием Ислама. По Корану, праведники попадают в рай, где будут вечно наслаждаться благами, уготованными им Богом. Упомянув о вечном блаженстве рая, обещанном Аллахом, поэт использует выражение «блажен на веки», которое указывает на 21-ый аят из 9-ой суры «Ат-Тауба» («Покаяние»): «Господь обрадует их вестью о Своей милости, Своем довольстве и Райских садах, в которых им уготовано вечное блаженство» [Коран 2004, 214]. Согласно Корану, эта награда обещана людям, следовавшим в земной жизни «Правде». В Коране часто упоминается слово «Правда» («Истина»), которое толкуется, в том числе, как все предписание Корана, книга Аллаха и Его Закон. В суре «Аль-Бакара» («Корова») читаем: «Истина – от твоего Господа» [Коран 2004, 47] и «Мы отправили тебя [Мухаммада. – Х.М.] с истиной» [Коран 2004, 42]. Вечным блаженством рая будут награждены и те, которые «<...> сражались на пути Аллаха своим имуществом и своими душами <...>» [Коран 2004, 213]. Эти коранические представления находят свое художественное воплощение в стихотворении поэта: «Что будет тот блажен на веки // Кто правду здесь всегда любил, Хранил закон, молился в Мекке // И жизни в битвах не цадил».

Коран содержит в себе большое количество повествовательных фрагментов. М. Пиотровский верно отмечает, что «повествовательные отрывки, сказания, рассказы занимают большое место в коранических текстах всех хронологических периодов. Даже в самых ранних сурах есть упоминания неких древних героев, народов, намеки на какие-то легенды» [Пиотровский, 1991, 25]. В Священной Книге мусульман приводятся

рассказы о некогда процветавших народах, которые по причине их грехопадения и ослушания пророков были погублены и стерты с лица Земли. То, что бывает с непокорными Аллаху, отражено в Коране в сюжетах о Нухе (Ное), Худе (Евере), Луте (Лоте), Шуйабе (Иофоре) и Салихе [см. Пиотровский, 1991]. В этой же суре «Аш-Шамс» в качестве назидания упоминается народ племени Самуд, отказавшийся признать миссию посланного им пророка Салиха, за что этот народ постигла суровая кара в виде полного истребления. В стихотворении Л. Якубовича нашла художественное отражение воспроизведенная в Коране история о пророке Салихе. И хотя поэт не цитирует аяты Корана, каждая деталь художественного текста соотнесена с ним. Так, в стихотворении упоминается чудесная верблюдица, посланная Богом в качестве знамения, чтобы подтвердить истинность пророческой миссии Своего посланника и подкрепить его призыв. Коран называет это животное «Божьей верблюдицей», а поэт описывает его как «Вышнего любимец Верблюдов». Хотя в Коране нет упоминания об имени человека, который взялся убить эту верблюдицу, согласно некоторым источникам толкователей Священного текста, он носил имя Кедар, как у русского поэта. Такое точное совпадение дает основание полагать, что Л. Якубович использовал именно эти источники при воспроизведении коранической истории: *«Тамуд-колени почитало // Лжецом Пророка своего»* [Л.Я.], *«Самудяне сочли лжецом (пророка Салиха) из-за своего беззакония»* [Коран 2004, 619]; *«За то, что злобный нечестивец // Кедар Пророку не внимал, За то, что Вышнего любимец // Верблюдов, от рук убийца пал»* [Л.Я.], *«и тогда самый несчастный из них вызвался убить верблюдицу»* [Коран 2004, 619]; *«И где ж Тамуд-колени? Пало... // Бог истребил до одного»* [Л.Я.], *«Они сочли его лжецом и подрезали ей поджилки, и за этот грех Господь их подверг их наказанию, которое было одинаковым для всех (или сровнял над ними землю)»* [Коран 2004, 619].

С точки зрения композиции, здесь также наблюдается характерная для Корана черта. Считая свое стихотворение поэтической иллюстрацией к указанной суре и в какой-то степени сохраняя ее структуру, поэт по-своему воспроизвел одну из жанровых особенностей Корана: быстрый переход от одной темы к другой. Стихотворение начинается с характерного для Корана риторического оборота (клятвы), затем приводятся строки, восхваляющие Бога, рассказывается о праведниках, которые вечно будут блаженствовать в Раю, а в конце стихотворения повествуется об истории взаимоотношений пророка Салиха со своим народом.

В стихотворении Я. Полонского «Из Корана» [Полонский 1896, I, 25] звучат традиционные для коранического текста мотивы: возложение пророческой миссии на Мухаммеда, напоминание о неизбежной смерти, изображение положения, в котором окажутся неверующие в Судный день. Попытаемся установить точки соприкосновения стихотворения и коранического текста: *«Скажи строптивым, малодушным // Коварнозлым и непослушным»* [Я.П.], *«Скажи тем, которые не уверовали <...>»*

[Коран 2004, 75]; «*Что в неразумии своем // Меня слепы лишь не находят*» [Я.П.], «*Глухие, немые, слепые! Они не вернуться на прямой путь*» [Коран 2004, 28]; «*И не идут прямым путем*» [Я.П.], «*Таков Мой прямой путь. Следуйте по нему и не следуйте другими путями, поскольку они собьют вас с Его пути <...>*» [Коран 2004, 173]; «*А оцупью в потемках бродят*» [Я.П.], «*Воистину, тем, которые не веруют в Последнюю жизнь <...> они блуждают в растерянности*» [Коран 2004, 401]; «*Не спрячут их заборы башен // Везде найдет их Азраил*» [Я.П.], «*Смерть наступит вас, где бы вы ни находились, даже если вы будете в возведенных башнях <...>*» [Коран 2004, 114]; «*Пророк, напомни маловерным // Что Я приду нелицемерным Судом судить <...>*» [Я.П.], «*Наставляй же [напоминай Пророк о Дне Суда и Вечной жизни – Х.М.], ведь ты – наставник*» [Коран 2004, 616]; «*<...> и будет течь // Река огня в тот день, – и будут Их на цепях железных жечь*» [Я.П.], «*Мы приготовили для неверующих цепи, оковы и пламя*» [Коран 2004, 76] и «*В тот день ты увидишь грешников, закованных в цепи*» [Коран 2004, 285].

На структурно-стилистическом уровне поэт использует форму стиха, близкую к стиху Священного Писания. Одним из стилистических инструментов, часто используемых в Коране, являются обращения. Более 200 обращений, которые относятся к пророку Мухаммаду, в Коране начинаются со слова «Скажи» (5 из 114 сур открываются этим словом: 72, 109, 112, 113, 114). Первая строфа стихотворения Я. Полонского начинается с этого ключевого слова. Аллах говорит от первого лица, обращаясь к пророку Мухаммеду. Такое построение вполне соответствует стилистическим особенностям коранических текстов. Более того, поэтом использованы традиционные образы Корана: слепцы (не знающие веры), возведенные башни (в целях отдалиться от смерти), страшный ангел смерти (безымянный в Коране и «Азраил» у Я. Полонского, как этого ангела именует традиция), Огонь (Ад) и железные цепи грешников. Строки «*Что я приду нелицемерным // Судом судить <...>*» наталкивают на мысль об одном из основных мотивов коранического текста – мотиве Суда.

В анализируемом стихотворении отметим поэтические выражения, включающие в себя метафоры, заимствованные из Корана. Так, слова «*глухие*», «*немые*», «*слепые*» в Священной Книге мусульман встречаются много раз – это характеристика неверующих, которые глухи (к истине), немы (чтобы говорить правду), слепы (чтобы видеть ясные доказательства). Описывая «*строптивых*», «*малодушных*», «*коварно-злых*» и «*непослушных*», Я. Полонский прибегает к кораническим метафорам: «*Что в неразумии своем // Меня слепы лишь не находят*». Обращает на себя внимание и кораническое понятие «*прямой путь*», использованное поэтом в строке «*И не идут прямым путем*». В Коране так обозначается верная, правильная дорога, которая приводит к Аллаху. Метафорическое выражение «*А оцупью в потемках бродят*», звучащее в последней строке первого отрывка стихотворения, созвучно со многими кораническими аятами. В конце стихотворения поэт описывает эпизоды

эсхатологической картины Судного дня, когда неверные после смерти ввергаются в Огонь (Ад), и их вешают на железные цепи: *«Их на цепях железных жечь»*. Мы считаем, что Я. Полонский заимствовал этот образ из коранических текстов, в которых упоминается наказание цепями.

Согласно Корану, человек познает своего Господа при помощи знамений и творений, которые указывают на величие Создателя, сотворившего природу. Среди этих знамений – ночь и день, солнце и луна, а из числа творений – небеса, земля, моря, горы и, конечно же, люди. В кораническом духе выдержано и стихотворение Н. Грекова «Из Корана» [цит. по Взаимопроникновению культур..., 2006, 54–55], имеющее своим первоисточником несколько аятов из различных сур, которые объединены общей идеей. Вот как начинается это стихотворение: *«Всесильный рек, и светом дня // Все озарилось в миг единый»*.

Попытаемся проследить развитие мотива творческой мощи Аллаха в стихотворении и его взаимосвязь со Священным Писанием. Так, строки: *«Он создал духов из огня // Он создал смертного из глины»* поэтически воссоздают аяты Корана: *«Он создал человека из сухой (или звенящей) глины, подобной гончарной, и создал джиннов из чистого пламени»* [Коран 2004, 555]. Последующие строки: *«Он звезды с бледною луной // И солнце с яркими лучами, Заставил в тверди голубой // Ходить воздушными путями»* восходят к аяту: *«Разве ты не видишь, что Аллах <...> подчинил солнце и луну, которые движутся к назначенному сроку <...>»* [Коран 2004, 438] и к аяту: *«Солнце и луна движутся согласно рассчитанному порядку»* [Коран 2004, 555]. Строки: *«Он двух востоков властелин // И двух закатов Он Зиждитель»* переключаются с аятом: *«Господь обоих востоков и Господь обоих западов!»* [Коран 2004, 556].

Далее поэт развивает тему всечия Бога, утверждения Его величия и ничтожности всего, создаваемого Им. Строки: *«Но все, что видишь ты, пройдет // И пред лицом Его сотрется»* поэт взял из аята: *«<...> Всякая вещь погибнет, кроме Его Лица* [Коран 2004, 420]. Строки: *«Один останется лишь Он // С своею вечною державой. Премудр, всесилен, окружен // Своим могуществом и славой»* созвучны с аятами: *«Все на ней (Земле) смертны. Вечен лишь лик Господа твоего, обладающий величием и великодушием»* [Коран 2004, 556].

Своеобразной иллюстрацией эсхатологической картины Судного дня является следующий отрывок стихотворения. Здесь можно привести примеры соответствия этих строк кораническому тексту. Ср.: сура «Ад-Духан» («Дым»): *«Подожди же того дня, когда небо принесет ясный дым»* [Коран 2004, 520], у Н. Грекова: *«И в день тот вспыхнет неба твердь»*; сура «Аль-Анбийа» («Пророки»): *«В тот день мы свернем небо, как сворачивают свитки для книг <...>»* [Коран 2004, 355], у Н. Грекова: *«И в свиток пламенный совется; сура «Аль-Фуркан» («Различение»): «В тот день небо разверзнется <...>»* [Коран 2004, 386] и сура «Ат-Тур» («Гора»): *«В тот день небо содрогнется от колебаний»* [Коран 2004, 547], у Н. Грекова: *«И треснет надвое»*.

Следуя положениям Корана, поэт обращается к одной из его основных тем – описаниям адских мук и райских наслаждений. Интересно, что этот фрагмент стихотворения построен как противопоставление Ада и Рая, что вполне созвучно с их описаниями в пределах одной суры. Н. Греков уловил и точно передал эту характерную черту Корана.

Коранический аят о том, что в Судный день «*грешников будут узнавать по их признакам <...>*» [Коран 2004, 557], под пером Н. Грекова преобразовался: «*И на неверном ляжет знак // Его лукавств и ухищрений*». Источником стихотворных строк: «*И будет ввержен он во мрак // Иль в пламень вечный для мучений*» является коранический аят: «*В тот день они [грешники – Х.М.] будут нещадно ввергнуты в огонь Геенны*» [Коран 2004, 547].

В следующем фрагменте стихотворения изображается коранический Рай, в основу описания которого лег 57-ой аят из суры «Ан-Ниса» («Женщины»): «*А тех, которые уверовали и совершали праведные деяния, Мы введем в Райские сады, в которых текут реки. Они пребудут там вечно. У них там будут очищенные супруги. Мы введем их в густую тень*» [Коран 2004, 111]. У Н. Грекова читаем:

*Но Правверный в этот день
Возьмет от Господа награду:
Двух вертоградов темных сень
И двух источников прохлады.
И будут двух родов плоды
Висеть на ветвях там зеленых,
И течь струи живой воды
Из двух источников студеньх;
И в ночь чудесных снов рои
К его слетятся изголовью.
И примут гурии с любовью
Его в объятия свои.*

Воспроизводя различные детали описания рая, поэт обращается к таким кораническим образам, как райская тень (сень), прохлада, плоды, живая вода и гурии, которые, согласно Корану, обитают в раю.

Стихотворение Л. Кобылинского-Эллиса «День облакающий (из Корана)» [цит. по: Взаимопроникновение культур..., 2006, 106–107] представляет собой свободное переложение 100-ой суры «Аль-Адийат» («Скачущие») и ряда других сур. Первое четверостишие стихотворения восходит к 1–4 аятам отмеченной выше суры Корана, содержащей следующие клятвы: «*Клянусь скачущими, запыхаясь! Клянусь высекающими искры копытами! Клянусь нападающими на заре! Тем самым они поднимают столб пыли*» [Коран 2004, 623]. У Эллиса эти коранические аяты приняли следующий вид: «*Клянусь горячими, степными скакунами // Что задыхаются не бешеном бегу, и брызжут*

искрами, взметая пыль волнами // и утроем близятся к беспечному врагу!».

Первая строка второго четверостишия является вольной передачей 6-ого аята, в котором идет речь о том, что люди неблагодарны по отношению к своему Господу, Который даровал им множество благ: *«Воистину, человек неблагодарен своему Господу»* [Коран 2004, 623]. У Эллиса слово «человек» заменено словом «мир»: *«Клянусь от века – мир Творцу неблагодарен».* Далее поэт использует коранический мотив порока человека, который не только *«Творцу неблагодарен»*, но и *«жажду низких благ затаил»*, а также мотив «трубного гласа», возвещающего Конец света и наступление Судного дня. Этот мотив является сквозным в Коране и упоминается в различных его сурах (18, 20, 23, 36, 39, 50, 74, 78). У Эллиса данный мотив переплетен с мотивом неизбежной смерти, воплощенным в образе ангела Азраил: *«но близок трубный день... И страшно-лучезарен // уж к миру близится печальный Азраил».* В Коране об ангеле смерти (Азраиле) говорится: *«Скажи: «Ангел смерти, которому вы поручены, умертвит вас, а затем вы будете возвращены к своему Господу»* [Коран 2004, 439].

Среди коранических мотивов, к которым обращается поэт, можно назвать эсхатологический мотив Конца света, приобретающего характер космической катастрофы. Последующие строки стихотворения являются поэтическим изложением многих аятов Корана, где описываются природные катаклизмы, которые должны произойти ближе к Концу света. Отметим, что в анализируемом произведении, как и в Коране, повествуется о главных событиях, которые положат конец существованию привычного для нас мира, и после них наступит Судный день. В стихотворении говорится о судьбе Вселенной, о ее переходе в качественно новое состояние и о крушении трех основных элементов мироздания: гор, неба и земли.

Так, согласно кораническим представлениям, в день, когда наступит Конец света, горы сдвинутся с места и станут перемещаться подобно тому, как движутся облака. В Коране читаем: *«когда горы сдвинутся с мест (или приведены в движение)»* [Коран 2004, 610] и *«В тот день Мы заставим двигаться горы <...>»* [Коран 2004, 323]. В Священной Книге говорится, что горы, хотя и твердо стоят на земле, чтобы сделать ее устойчивой, подобны облакам: *«И ты увидишь, что горы, которые ты считал неподвижными, придут в движение, словно облака <...>»* [Коран 2004, 408]. Содержание этих аятов Эллис передает в следующей поэтической форме: *«Но близок трубный день... и вдруг помчатся горы // быстрее стада коз и легче облаков».*

Далее в Коране сказано, что моря взорвутся: *«когда моря запылают»* [Коран 2004, 610]. У Эллиса: *«Вдруг закипят моря, как дно огромных чаш».* Согласно кораническим положениям, дикие животные, подобно людям, будут воскрешены в Судный день: *«когда дикие звери будут собраны»* [Коран 2004, 610], т.е. для отчета и воздаяния, и после недолгого ответа тела этих животных будут обращены в прах. Описывая картину ужасающих моментов Судного дня, Эллис придает животным человеческие свойства, они у него рыдают: *«по-человечески вдруг зарыдают звери».*

В доисламскую эпоху среди арабов-язычников существовал обычай заживо закапывать новорожденных дочерей, т.к. рождение дочери считалось позором и тяжелым бременем, тогда как рождение мальчика, продолжателя рода, было радостным событием. Когда арабу-язычнику сообщали о рождении дочери, от негодования лицо его становилось черным. Об этом в Коране сказано: *«Когда кому-нибудь из них сообщают весть о девочке [о ее рождении – Х.М.], лицо его чернеет, и он сдерживает свой гнев. Он прячется от людей из-за дурной вестии. Оставит ли он себе ребенка с позором или же закопает ее в землю? Воистину, скверны их решения!»* [Коран 2004, 297]. Подобное явление решительным образом осуждается в Коране, согласно которому несчастным жертвам в Судный день будет предоставлена возможность сказать, за что их убили, т.е. предъявить обвинение тем, кто содейал это с ними [см. Свет Священного Корана..., 2008, V, 227–228]. В Коране читаем: *«когда зарытую живьем спросят, за какой грех ее убили»* [Коран 2004, 610]. Этим аятом навеяна следующая строка из стихотворения: *«восстанут заживо закопанные дочери»*.

Одним из эпизодов Судного дня является то, что к каждому человеку будут приставлены два ангела, один из них будет вести его к месту величайшего сбора для отчета и не позволит ему сбежать. Об этом в Коране сообщается: *«И подуют в рог. Это – День угрозы! И каждая душа явится с погонщиком и свидетелем»* [Коран 2004, 543]. Мы считаем, что Эллис заимствовал образ ангела-погонщика из данного аята, но русский поэт назвал его *«стражем»*: *«и душу каждую постигнет темный страж»*.

«В тот день Мы свернем небо, как сворачивают свитки для книг <...>» [Коран 2004, 355]. В данном аяте говорится о том, что в день Суда Аллах свернет небо, подобно тому как писарь сворачивает свитки с письменами. Этот эпизод творчески воспроизводится в следующей строке стихотворения: *«и трубный глас совет, как свиток, небеса»*.

В суре «Аз-Залзала» («Сотрясение»), посвященной описанию некоторых событий, которые произойдут в Судный день, сказано: *«когда земля извергнет свою ношу»* [Коран 2004, 814]. Смысл данного аята заключается в том, что в этот день Земля выбросит изнутри, извергнет из себя все, что находилось в ее чреве, свои сокровища и мертвецов, похороненных в ней. Этот аят находит свое отражение в следующей строке стихотворения: *«И вдруг земля из недр все трупы изрыгнет»*.

Описывая масштабные изменения, которым будет подвергнут земной мир, Коран рассказывает о явлениях, связанных с небесными телами и предвещающих приближение Конца света: *«когда звезды осыплются»* [Коран 2004, 793]; *«когда погаснут звезды»* [Коран 2004, 781]; *«когда падут звезды»* [Коран 2004, 791]. Такими событиями являются скручивание солнца: *«Когда солнце будет скручено»* [Коран 2004, 791] и затмение Луны: *«луна затмится»* [Коран 2004, 775]; *«Приблизился Час [Судный день – Х.М.], и раскололся месяц»* [Коран 2004, 694]. Мы полагаем, что данные аяты поэт положил в основу стихотворного переложения коранических

сказаний о наступлении Конца света: *«и трубный глас прервет вращенье зодиаков // и расщепит луну, и солнца диск согнет».*

Согласно вероучению Ислама одним из признаков грядущего Конца света станет появление существа под именем «даббат аль-ард» («земной зверь»). В Коране говорится: *«Когда же свершится над ними Слово, Мы выведем к ним из земли животное, которое скажет им, что люди не были убеждены в Наших знамениях»* [Коран 2004, 488]. По преданию, вместе с этим звероподобным существом «Даббат аль-ард» появятся жезл пророка Мусы (Моисея) и перстень с печаткой пророка Сулеймана (Соломона). Эллис обращается к образу «даббат аль-ард», о котором в хадисах (изречениях пророка Мухаммеда) говорится как о существе, наделенном сверхъестественными способностями, однако ни Коран, ни хадисы не сообщают о том, как оно будет выглядеть. Вот как художественно описан этот «земной зверь» у поэта: *«И пробужден трубой, к нам выйдет из мечети // зверь <...>, Мыча, он каждого достигнет на пути // помчится бешено, чтоб по словам закона // в миг Моисеев жезл с печатью Соломона // к престолу Судии послушно донести».*

В последнем четверостишии стихотворения Эллиса находим описание райских наслаждений: *«В тот День немногие да внидут в вечный свет // возлягут меж чинар божественного сада // где нега тихая, прохладная услада // мерцание очей и золотых браслет».* В картине Рая у Эллиса преломляются такие коранические мотивы и образы, как вечно льющийся, неиссякаемый божественный свет и райские сады: *«возлягут меж чинар божественного сада»* (ср. в Коране: *«Воистину, богобоязненных ожидает успех, райские сады и виноградники»* [Коран 2004, 785]), блаженство в вечной жизни: *«где нега тихая, прохладная услада»* (ср. в Коране: *«Господь обрадует их вестью о Своей милости, Своем довольстве и Райских садах, в которых им уготовано вечное блаженство»* [Коран 2004, 229]). Строку о том, что обитателей Рая ждут *«золотые браслеты»*, поэт взял из аята: *«Именно им уготованы сады Эдема, в которых текут реки. Они будут украшены золотыми браслетами <...>»* [Коран 2004, 365]. Слово «немногие» в первой строке данного четверостишия вполне созвучно с кораническими аятами, в которых восхваляется меньшинство, характеризующееся верой, честностью и искренностью: *«<...> которые уверовали и совершают праведные деяния. Но таких мало»* [Коран 2004, 584]; *«<...> но среди Моих рабов мало благодарных»* [Коран 2004, 546]; *«<...> но уверовали вместе с ним лишь немногие»* [Коран 2004, 273] и др.

В стихотворении М. Михайлова «Из Корана» [Михайлов, 1969, 131] затрагивается один из важных социальных вопросов в Исламе – положение сирот. Ислам уделяет им особое внимание. Согласно мусульманскому законодательству, когда умирает отец, оставляя после себя несовершеннолетнего ребенка, тому достается в наследство определенная доля из имущества: *«Отдавайте сиротам их имущество <...>»* [Коран 2004, 101]. Ислам категорически запрещает опекуну присваивать и тратить в личных целях имущество сирот, считая это тяжким грехом, условно

названным «пожирание имущества сирот». В 10-ом аяте из суры «Ан-Ниса» («Женщины») сказано: *«Воистину, те, которые несправедливо пожирают имущество сирот, наполняют свои животы Огнем и будут гореть в Пламени»* [Коран 2004, 102]. К этому мотиву обращается М. Михайлов:

*Из рода в род Твой глас идет:
«Жестокосердные, внимайте!
Кормясь от трапезы сирот,
Вы пламень огненный ядите!»
Но, не спалив себе гортань,
Они не ведают боязни...».*

Обращает на себя внимание использование поэтом риторических оборотов, характерных для стилистики Корана. Поэт говорит о несправедливом использовании имущества сирот следующим образом: *«кормиться из их имущества»*, что вполне соответствует кораническому выражению *«пожирание имущества»*. Употребленный в стихотворении эпитет *«жестокосердные»* встречается в нескольких аятах: *«После этого ваши сердца ожесточились и стали, как камни, или даже жестче <...>»* [Коран 2004, 35] и *«<...> их сердца ожесточились <...>»* [Коран 2004, 156] и др.

Итак, в творчестве русских поэтов, как видно из нашего анализа, Коран был источником поэтического вдохновения. Здесь налицо традиция вовлечения в художественное произведение коранического текста, отражение коранического повествования, трансформация ряда мотивов и образов Священного Писания Ислама, своеобразие которых показано в настоящей статье. Затрагивая главные темы Корана, русские поэты ориентировались на характерные для его поэтики жанрово-стилистические особенности, использовали присущие «небесной книге» мусульман риторические обороты для усиления художественной выразительности. Проведенные нами параллели показывают, что поэты продолжают традицию освоения Корана и раскрытия его нарративного потенциала. Это позволило нам сделать вывод, что Коран является «кодом» к проанализированным стихотворениям, которые обнаруживают новые связи русской классической словесности с Кораном. Отсюда и значение этих произведений для осмысления «коранического текста» русской литературы и, следовательно, постижения духовного богатства мусульманского Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев П.В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX века: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому. Томск: Издательство Томского университета, 2015.

2. Алексеев П.В. Мусульманский восток в русской литературе: проблемы исследования // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6 (18). С. 45–49.

3. Алексеев П.В. Мусульманский текст русской литературы как объект структурного анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24): в 2 ч. Ч. 2. С. 21–24.

4. Взаимопроникновение культур: Коран в русской поэзии / авт.-сост. Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко. М.: Наука, 2006.

5. Каменева М.Б. Исламские мотивы и образы в русской литературе 20–30-х годов XIX века. Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет, 2014.

6. Каганович С.Л. Диалог культур в русской художественной интерпретации Корана // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 272–275.

7. Коран / перевод смыслов и комментарии Э.Р. Кулиева. 3-е изд. М.: Умма, 2004.

8. Крачковский И.Ю. Диван Зу-р-Руммы и петроградская рукопись // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: в 6 т. Т. 2. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956.

9. Меджидова Г.Э. Традиции «подражаний Корану» А.С. Пушкина в русской поэзии (опыт А.Г. Ротчева) // Научная мысль Кавказа. 2005. № 4. С. 78–82.

10. Михайлов М.Л. Собрание стихотворений. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1969. (Библиотека поэта; Большая серия).

11. Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991.

12. Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений: в 5 т. Т. 1. СПб.: А.Ф. Маркс, 1896.

13. Свет Священного Корана: разъяснения и толкования. Т. 5. Санкт-Петербург: Фонд исследований исламской культуры, 2008.

14. Якубович Л. Из Ал-Корана, глава ХСІ // Атеней. 1829. № 6. Ч. 2. С. 561.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Alekseyev P.V. Musul'manskiy vostok v russkoy literature: problemy issledovaniya [The Muslim East in Russian Literature: Issues of Research]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2009, no. 6 (18), pp. 45–49. (In Russian).

2. Alekseyev P.V. Musul'manskiy tekst russkoy literatury kak ob'yekt strukturnogo analiza [The Islamic Text of Russian Literature as an Object of Structural Analysis]. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 6 (24), in 2 parts, part 2, pp. 21–24. (In Russian).

3. Kaganovich S.L. Dialog kul'tur v russkoy khudozhestvennoy interpretatsii Korana [The Dialogue of Cultures in the Russian Artistic Interpretation of the Quran]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2013, no. 4, vol. 1 (Gumanitarnyye nauki), pp. 272–275. (In Russian).

4. Medzhidova G.E. Traditsii “podrazhaniy Koranu” A.S. Pushkina v russkoy poezii (opyt A.G. Rotcheva) [The Traditions of “Imitations of the Quran” by A.S. Pushkin in Russian Poetry (The Experience of A.G. Rotchev)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2005,

no. 4, pp. 78–82. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Krachkovskiy I.Yu. Divan Zu-r-Rummy i petrogradskaya rukopis' [Dhū ar-Rumma's Dīwān and the Codex Petropolitanus]. Krachkovskiy I.Yu. *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works]: in 6 vols. Vol. 2. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956. (In Russian).

(Monographs)

6. Alekseyev P.V. *Kontseptosfera oriyental'nogo diskursa v russkoy literature pervoy poloviny 19 veka: ot A.S. Pushkina k F.M. Dostoyevskomu* [The Conceptual Sphere of Oriental Discourse in Russian Literature in the First Half of the 19th Century: From A.S. Pushkin to F.M. Dostoevsky]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2015. (In Russian).

7. Gavrilov Yu.A., Shevchenko A.G. (eds., comp.). *Vzaimoproniknoveniye kul'tur: Koran v russkoy poezii* [The Interpenetration of Cultures: the Quran in Russian Poetry]. Moscow, Nauka Publ., 2006. (In Russian).

8. Kameneva M.B. *Islamskiye motivy i obrazy v russkoy literature 20–30-kh godov 19 veka* [The Islamic Motifs and Images in the Russian Literature of the 1820–1830s]. Bishkek, Kyrgyz-Russian Slavic University Publ., 2014. (In Russian).

9. Piotrovskiy M.B. *Koranicheskiye skazaniya* [Quranic Legends]. Moscow, Nauka Publ., 1991. (In Russian).

10. *Svet Svyashchennogo Korana: raz'yasneniya i tolkovaniya* [The Light of the Holy Quran: Explanations and Interpretations]. St. Petersburg, Islamic Culture Research Foundation Publ., 2008. (In Russian).

МОХАММЕД Хешам Мохаммед Махмуд, Университет «Айн Шамс» (Каир, Египет).

Кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка, факультет «Аль-Альсун» (филологический). Научные интересы: русская литература XIX и XX вв.; литературная компаративистика; имагология.

E-mail: maro5@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7113-1110

Hesham Mohammed Mahmoud MOHAMMED, Ain Shams University (Cairo, Egypt).

PhD in Philology, Associate Professor; Associate Professor at the Department of the Russian Language, Al-Alsun Faculty (philological). Research interests: Russian literature of the 19th and 20th centuries, comparative literary studies, imagology.

E-mail: maro5@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7113-1110